

Шпионский тайник

Автор:

Питер Джеймс

Шпионский тайник

Питер Джеймс

Макс Флинн – агент под прикрытием, и работа у него незавидная – шпионить за своими. Когда убить, кого убить, убить или сохранить жизнь – решения требуется принимать мгновенно, если хочешь сам остаться в живых. Но на этот раз Макс оказался в запутанной ситуации. Кто он, этот незнакомец, проникший в его квартиру посреди ночи только для того, чтобы пустить пулю себе в голову? Чем так важен билет на место 14В? И так ли уж невинна прекрасная подруга самого Макса? Мир шпионажа и контршпионажа не оставляет места для ошибок, и Флинн знает, что один-единственный неверный шаг означает смерть.

Питер Джеймс

Шпионский тайник

Роман

Peter James

Dead Letter Droop

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Copyright © Peter James, 1981

Foreword copyright © Peter James, 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Джорджине, моей невесте одного романа, за смелость, силу, терпение и, превыше всего, за любовь

Известно ль орлу, что таится в земле?

Иль крот вам скажет о том?

Уильям Блейк

Предисловие

Приглашаю читателей познакомиться с моим первым романом, который незримо прокрался на нижние полки в задние помещения горстки книжных магазинов, в 1981 году проявивших любезность и взявших его на реализацию. Я помню, как В.-Х. Смит по доброте душевной купил целых тридцать экземпляров, что было жалкой каплей из имевшихся там 30 тысяч книг, предназначенных для списка бестселлеров. Но я до сих пор крайне благодарен им за то, что они позволили неизвестному автору сказать: «Да, да, это из запасов мистера В.-Х. Смита!»

Книгу отвергло первое же издательство, прочитавшее ее, – «Нью инглиш лайбрери», возглавляемое Ником Уэббом. Семь лет спустя, в 1988 году, ему было суждено удивить меня, перебив цену всех других британских издательств за мой мистический триллер «Зона теней». Второй издатель, к великой моей радости и удовольствию, купил его. В.-Х. Смит заплатил по-царски – две тысячи фунтов, не слишком великие деньги даже в те годы.

Это был не первый мой роман. Между 1967 и 1971 годами я написал несколько книг, которые, к счастью, так и не были опубликованы – к моему тогдашнему разочарованию. Первый назывался Roller Coaster и был вдохновлен моим тогдашним кумиром, молодым автором по имени Адам Даймент. Даймент написал три чрезвычайно успешных шпионских триллера – The Dolly Dolly Spy, The Great Spy Race и The Bang Bang Birds, которые позволили ему в возрасте двадцати с небольшим лет вести роскошный образ жизни с хорошим шампанским и личным «астон-мартинном», автомобилем, казавшимся мне пределом мечтаний. Роман Roller Coaster был не шпионским триллером, а описанием жизни шалопая в эпоху свингующего Лондона – в ту пору, когда я был подростком.

В отличие от первого романа Адама Даймента моя книга была поочередно отвергнута британскими литературными агентами и издательствами. Один мой друг, прочитав ее, заявил, что она придется по вкусу скорее американским читателям, нежели английским. Я купил пару «Альманахов писателей и художников» и выбрал маститого нью-йоркского агента Курта Хеллмера. Лелея надежду на успех, исправно отксерокопировал свою рукопись и отправил ему авиапочтой.

Представьте себе мое удивление, когда через шесть недель я получил пришедшее авиапочтой письмо (это было в те дни, когда никто не знал о том, что появится чудо техники – аппарат факсимильной связи), содержащее восемь страниц неумеренных похвал и сообщавшее мне о том, что я превосходный

писатель, но книга моя нуждается в редакторской правке, после которой она наверняка будет опубликована. Там же приводились и обильные замечания по тексту. Но к тому времени, учась в киношколе, я заканчивал мой второй роман «Ангел атомной бомбы» (это название было суждено использовать спустя десятилетие для моего второго опубликованного романа).

Я отправил ему новую рукопись, однако Хеллмер ответил, что она не понравилась ему так, как роман *Roller Coaster*, и попросил обратить внимание на его замечания. Однако я уже взялся за мой третий роман, озаглавленный *Bethlehem Where Are You?*

Курт в отместку за мое пренебрежение его советами возненавидел этот роман и настаивал на том, чтобы я вернулся к *Roller Coaster*. Но к этому времени я уже окончил киношколу и перебрался на жительство в Канаду, где – по чистой случайности – получил работу на телестудии в Торонто. Там я ежедневно писал сценарии к телепрограмме для дошкольников под названием «Дверь в горошек». Я в письме с гордостью сообщил Хеллмеру об этом. Через считанные дни я получил от него сварливый ответ, в котором он советовал мне бросить эту работу, если всерьез хочу взяться за писательское ремесло, потому что я никогда не напишу толковый роман, если буду по-прежнему заниматься телевизионной поденщиной. Он также посоветовал найти работу в библиотеке или на какой-нибудь фабрике. Я снова проигнорировал его рекомендации, и роман *Roller Coaster* так и остался незаконченным. Вместо этого я обратил свою энергию на сферу кино и телевидения – взялся за сочинение киносценариев и продюсирование целой серии малобюджетных ужастиков, а затем комедии *Spanish Fly*, в которой главные роли исполняли Терри Томас и Лесли Филлипс. Фильм вышел на экраны в 1976 году и удостоился разгромных рецензий. Барри Норман, в ту пору дуайен кинокритиков, назвал его «худшим из всех британских кинофильмов, снятых после Второй мировой войны, и самым несмешным из всех британских фильмов». Я поместил этот отзыв в рамку под стеклом и с гордостью повесил ее на стене в своем офисе.

Spanish Fly, в которую я вложил изрядную часть моих собственных денег, фактически лишила меня почти всех накоплений, и я был не уверен, что смогу оправиться от подобного потрясения.

В это время мои родители руководили вполне успешным семейным бизнесом, «Корнелия Джеймс, поставщик перчаток для королевского двора», фабрикой, расположенной в Брайтоне. Мой отец был серьезно болен – у него возникли

проблемы с сердцем, – и они с матерью уже подумывали о том, что следует продать это предприятие.

Я понял, что если не стал писателем и оказался в шатком финансовом положении, то будет разумнее продолжить прибыльное семейное дело, что позволит мне хотя бы более или менее прилично зарабатывать на жизнь. Поэтому я пошел работать на фабрику, смутно помня совет моего агента, славного терпеливого Курта Хеллмера.

Моя тогдашняя жена и несколько друзей, знавшие о моих писательских амбициях, постоянно спрашивали меня, пытаюсь ли я по-прежнему осуществить мою мечту и издать книгу. Мне было в ту пору двадцать восемь лет, и их слова стали призывом к действию. Но что же написать?

В те дни мне попала на глаза статья в «Таймс», в которой говорилось, что Адам Даймент перестал писать книги, а Ян Флеминг давно умер, и в данный момент возникла нехватка ярких шпионских триллеров. В тот момент для меня это стало своего рода озарением.

Я был знаком с одним человеком, работавшим в спецслужбе, – Ванессой Гебби, ныне успешной писательницей, которая когда-то работала секретарем в МИ-5. Хотя она могла мне сказать лишь немного о своей прошлой работе, я выудил из нее достаточно и, прочитав массу книг – как художественных, так и документальных – о МИ-5 и МИ-6, получил некоторое представление о мире рыцарей плаща и кинжала. У меня в воображении также созрел эффектный эпизод, который мог стать завязкой шпионского романа.

Но как будет развиваться дальнейший сюжет, я просто не знал.

Поэтому я написал вот такое начало – мужчина и его девушка просыпаются в своей нью-йоркской квартире, в которую неожиданно врывается незнакомец. Вскоре он прямо у них на глазах убивает себя – неожиданно и по какой-то непонятной причине. В отличие от моих романов, где действует Рой Грейс, сюжеты которых я разрабатываю крайне дотошно и всегда знаю, чем такой роман закончится, в данном случае я действительно понятия не имел, что будет дальше.

Поэтому я продолжал писать, писать и писать. И наконец, в 1979 году, закончил эту книгу. Сняв копию, я отправил ее авиапочтой Курту Хеллмеру, с которым не общался с 1971 года. Прошло два месяца, но от него не было ни слова. Наконец я позвонил ему по телефону, но никто не брал трубку. После того как я сделал еще несколько звонков по этому номеру, мне удалось выяснить, что Курт умер шесть лет назад. Так что от мертвых литературных агентов пользы нет.

Блестящий адвокат, связанный с индустрией развлечений, Боб Сторер из конторы «Харботтл и Льюис», порекомендовал мне двух агентов. Одна из них, Дебби Оуэн, была очаровательна, но явно не голодна, поскольку представляла интересы популярного писателя Джеффри Арчера. Второй, Джон Терли, только-только начинал карьеру, и мне сказали, что уж он-то ради меня будет рыть землю. Через четыре дня после того, как я отправил ему рукопись, он позвонил и сказал, что готов быть моим представителем, но мне следует придумать роману новое название. Через два месяца я заключил договор на издание книги, о чем давно мечтал, но на что особенно не надеялся.

Одна из самых странных и приятных особенностей моей писательской карьеры состоит в том, что я часто пишу на такие темы, которые впоследствии абсолютно случайно становятся главными мировыми проблемами. Так было, в частности, с моим пятым романом о Рое Грейсе «Умри завтра», в котором рассказывается о нелегальной торговле человеческими органами. В романе «Шпионский тайник» повествуется о поиске «крота» в недрах МИ-5. Через несколько дней после подписания издательского договора грянул скандал с Энтони Блантом. Высокопоставленный представитель руководства МИ-5 был разоблачен как русской шпион.

Надеюсь, вы получите удовольствие от чтения «Шпионского тайника» – такое же, какое я получил от его написания. Отнеситесь к этому роману снисходительно и, пожалуйста, не судите меня слишком строго!

Питер Джеймс Суссекс

Глава 1

Бывает такое странное ощущение: ты знаешь, что в комнату кто-то вошел, но пока еще не видишь его и не слышишь. Ты просто чувствуешь: он здесь. Такое вот ощущение и возникло у меня тогда – ночью, в моей спальне. Было очень поздно и очень темно.

Я чувствовал это, такой же холодок, и раньше – тысячу раз в тысяче разных ситуаций: когда машину заносит на мокрой дороге, когда самолет проваливается на пять тысяч футов в воздушную яму, когда тень возникает из темного переулка.

В комнате определенно кто-то был. Не друг. Друзья не заскакивают ко мне в спальню в половине третьего ночи – в квартиру на тридцать втором этаже здания, где отключен лифт; в квартиру, ключ от которой лежит в кармане пиджака, висящего на спинке стула; в квартиру с тремя врезными замками «ингерсолл», двумя замками «чабб», йельским замком № 1 и двойной цепочкой, не говоря уже о круглосуточной вооруженной охране у двери, ввиду чего войти в здание труднее, чем выйти из большинства тюрем.

Гость не был другом. Я не шевелился. Он не двигался. У меня было перед ним одно преимущество: он думал, что я сплю. У него было передо мной еще большее преимущество: он не лежал, совершенно голый, вымазанный детским маслом, с прикованной к кровати ногой, и рядом с ним не спала голая пташка, занимавшая пространство в пять футов и одиннадцать дюймов, которое отделяло мою масляную руку от стоявшей на предохранителе «беретты».

Несколько десятых секунды я размышлял, что делать. Гость определенно не собирался задерживаться до утра – пойти на такое мог бы разве что завзятый вуайерист. Он явно не был и мелким воришкой – здесь не водилось драгоценностей, здесь не держали сокровищ, как в Форт-Ноксе или Национальной галерее. Здесь вообще не было ничего такого, что страдающий дальтонизмом карлик с коэффициентом Q 24 не мог бы купить за пару тысяч долларов на распродаже в «Блумингдейле», – вполне возможно, именно так он и сделал. Все, что здесь имелось, лучше всего характеризовалось термином «зачаточное еврейское Возрождение» и состояло из предметов личного обихода, которые можно встретить едва ли не в каждом номере недостроенного отеля «Холидей Инн».

Гость не был настроен и поболтать, потому что в противном случае уже подал бы вступительную реплику. Скорее всего, как я решил за две десятые секунды,

пока взвешивал возможные варианты, он пришел сюда кого-то убить.

По причине скудости выбора наиболее подходящими кандидатами в жертвы выглядели мы, Сампи[1 - От англ. sumpy - «грязное», «жирное». (Здесь и далее примеч. пер.)] или я. Прозвище Сампи я дал ей из-за пристрастия к маслу «Джонсон беби», которое, как она полагала, предназначалось для секса, а вовсе не для того, для чего изначально создавалось.

Если ночной гость пожаловал за ней, то это мог быть только какой-то брошенный любовник, а поскольку Гудини умер еще до ее появления на свет, то и этот вариант пришлось исключить.

Мне стало вдруг одиноко. К этому моменту ночной пришелец, должно быть, уже вычислил, кто есть кто; меня ждала пуля 9-го калибра из «парабеллума» с глушителем, ее – бритва, чтобы не разбудила соседей воплями.

Добраться до своего оружия я не мог. Развернуть и вскинуть правую ногу так, чтобы обрушить кровать на его голову раньше, чем придется собирать собственные мозги и осколки черепа в соседнем номере, не представлялось возможным.

Грянул выстрел. Не глуховатый хлопок вроде того, с каким пробка выскакивает из бутылки, но короткий, оглушающий взрыв боеприпаса «магнума» 44-го калибра с пулей весом в двести гран. И смерть пришла ко мне.

В жаркой темноте что-то большое и тяжелое обрушилось на меня, круша кости и вышибая дух. Мокрое, кровавистое, болезненное. Это был он, ночной гость.

Он лежал, раскинувшись, на мне – с торчащим изо рта револьвером и дырой в затылке, большая часть которого улетела на Парк-авеню.

Я сел и даже ухитрился включить свет. Отовсюду неслись крики, топот, вой сирен и треск звонков, стук. Сампи проснулась, не открывая даже глаз, спросила, не спятил ли я, и снова уснула.

Я высвободил ногу и побрел в кухню – поставить чайник. Все указывало на то, что поспать в эту ночь уже не получится. В полной растерянности я ударился

головой о дверцу шкафчика. Да и как тут не растеряешься? Кто-то взял на себя немалый труд и изрядно постарался, чтобы всего лишь совершить самоубийство.

Глава 2

Ну и ночка выдалась. Утром мне больше всего хотелось забыть о ней хотя бы на несколько часов. А утро вышло славное – холодное, ноябрьское, воскресное, – Манхэттен выглядел грандиозно. Лишь несколько заводских труб пачкали ясную голубизну своими экскрементами. Всемирный торговый центр, Крайслер-билдинг, Эмпайр-стейт и прочие фантастические манхэттенские громадины четко, словно выгравированные, проступали на фоне неба – в полном соответствии с представлениями их творцов.

Мы с Сампи зябко кутались в пальто на открытой палубе статен-айлендского парома. Внизу нес свои бурливые воды Гудзон. Я откусил приличный кусок завернутого в бумагу и еще теплого кныша с картошкой в надежде, что он хотя бы частично протрет мои прополосканные пинтами кофе внутренности и унесет изо рта, горла и легких вкус «Мальборо», «винстонов» и «салемов», «тарейтон лайт» и «кэмел лайт», «кулзов», «морзов» и «честерфилдов», а также всех прочих сигарет, слямзить, стянуть и выкурить которые мне довелось за прошлую ночь.

Кныш был хорош и происходил из пекарни Ионы Шиммеля, одного из лучших заведений своего рода в мире. Если бы ресторанный путеводитель «Мишлен» распространился и на Соединенные Штаты, он, несомненно, отметил бы ее как «заслуживающую того, чтобы сделать крюк». Тот, кто там не бывал, обязан исправить это упущение. Примечательно, что неприметная с виду пекарня расположилась в одном из самых грязных, унылых и запущенных районов, в самой глубинке Манхэттена, на богом забытой границе между Ист-Виллидж и Нижним Ист-Сайдом, на расстоянии полета бутылочной пробки от Бауэри-стрит, в пятиэтажке из бурого песчаника с желтым карнизом, стоящей по соседству с двориком компании «Блевицки бразерс моньюментс», где за просевшим проволочным забором отдыхают на ослабших подвесках два старинных вагончика. Мрачная, с двусторонним движением улица отмечена редкими чахлыми кустиками, люди здесь угрюмые и неопрятные, и ветер гоняет туда-сюда неубранный мусор. Отыскать такую нетрудно в любом пригороде любого из

сотни американских городов.

Вид внутри немногим лучше. Табличка за высокой стойкой приглашает клиента отведать «НАШ НОВЫЙ ВИШНЕВЫЙ ЧИЗКЕЙК-КНЫШ!» и выглядит лет на десять. За стойкой – пожилой коротышка в белом фартуке держит на плечах бремя всего света. В заведении пусто, если не считать занятых разговором двух мужчин в потертых кожаных куртках, но выполнить заказ коротышка не торопится. Он чинно идет к «немому официанту», настоящему, с канатным механизмом, рывкает в шахту и замирает на страже с несчастным видом часового, оставленного на посту в долгую зимнюю ночь.

Но то, что приносит грузовой лифт, – это уже слитки чистого золота. Большие, увесистые, душевно бесформенные, снаряженные всеми мыслимыми начинками, неимоверно жирные и погрязшие в холестерине.

В то воскресное утро райский дар, теплый картофельный кныш Ионы Шиммеля, был употреблен с солеными брызгами Гудзона и уютным парфюмом Сампи.

Правду от нее я пока что утаил. В ее понимании ночью к нам вторгся непрошенный гость, которого я и застрелил. На мой взгляд, менять эту версию пока что – а может быть, и вообще – не стоило. Сампи свято верила, что я совершил нечто героическое и спас нас обоих от верной смерти. Принимать незаслуженные почести я не собирался, но в то же время девочка Сампи сообразительная, и мне не хотелось, чтобы она забивала голову лишними мыслями, если в какой-то момент поймет, что за моей работой в компании, производящей пластмассовые ящики, кроется нечто большее, чем видится обычному невооруженному глазу. Это было бы совсем нехорошо.

Итак, мистер Большой Герой отхватил еще один кусок картофельного кныша и нацелился долгим взглядом на прелести и мерзости сонного Статен-Айленда, где в это ясное солнечное воскресное утро 328 тысяч американцев начинали день с кроссворда в «Нью-Йорк санди Таймс», вафель, сиропа и бекона, мягкого секса, зубной пасты и кофе и без гроыхания мусоровозов.

– Холодно, – сказала Сампи и ничуть не погрешила против истины.

Да, холодно, чертовски холодно, но было это только к лучшему, потому что в тепле захотелось бы расслабиться и, поддавшись неге, уплыть в страну

сновидений, а ничего такого не светило еще долго, поскольку по возвращении в Манхэттен мне предстояло отправиться в полицейский участок на Западной Пятьдесят четвертой и провести большую часть этого прекрасного дня за унылыми серыми стенами, отвечая на вопросы, заполняя всевозможные бланки и наблюдая за перемещаемыми туда-сюда отбросами, браком и жертвами человечества, доставленными за превышение скорости, убийство, карманную кражу, хулиганство или изнасилование.

Бланкам не было конца, как и машинописным копиям под ними и подлежащим заполнению колонкам в этих бланках. Я бы сделал все сам ровно за десять минут с помощью пары компьютеров Ай-би-эм и трех дюжин секретарей, но, к сожалению, город Нью-Йорк мог предложить только старую, выдавшую виды механическую печатную машинку «Оливетти» со сбитой «т» в нижнем регистре и два указательных пальца, прикрепленные к восемнадцати стоунам жирной плоти в форме столь замызганной, что один вид ее мог вызвать анорексию даже у платяной моли. Ловкость полицейского в извлечении остатков завтрака из зубов одним пальцем, ковырянии в носу другим и в ухе третьим и при этом еще и печатании четвертым производила сильное впечатление; жаль только, что более всего страдало именно печатание.

Кофе приносили в емкостях, на фоне которых британские пластиковые стаканчики выглядели бы королевским фарфором. Ни кнышей, ни пончиков там по воскресеньям не водилось, а все прочее не стоило и пробовать, проинформировал меня местный эксперт по пончикам, но зато имелась пуэрториканская танцовщица гоу-гоу, делающая минет в мужском туалете наркопритона в Гарлеме, и если меня интересует... Прозвучало это не слишком заманчиво.

Клавиши стучали с запинками, сопровождавшимися негромким проклятием, когда полицейскому приходилось вручную вставлять нижнюю «т», и меня стало понемножку клонить в сон. Очнувшись, я обнаружил, что к своим козявкам и завтраку Суперпечатник «Оливетти» добавил еще одну проблему: какой-то идиот принес ему коробку со свиными ребрышками в медовом соусе.

Несколько часов спустя последнее ребрышко улетело в мусорную корзину, а машинка выдавила из себя последний лист. Я прочитал и поставил в нужном месте подпись, он прочитал, поставил свой «Х» и тут же его смазал. Мне пожали руку, меня похлопали по спине и назвали хорошим парнем. Я бесстрашно вступил в схватку со злоумышленником, завладел его оружием, застрелил, а

потом благоразумно позвонил в полицию и заполнил бланки. Мое присутствие на дознании необязательно, и, если я потружусь освободить помещение, нью-йоркская полиция с удовольствием и за просто так доставит меня домой в патрульной машине.

Я устал как собака и хотел только одного: убраться из участка и завалиться в постель. Я вышел на улицу, вдохнул холодный воздух, посмотрел на пар, вырывающийся из-под крышки люка, и прислушался к далекому шуму машин и завыванию сирен. Мир и покой. Темнело. Кое-где уже зажглись лампы, остальные мигали, силясь сделать то же самое. Сампи, наверное, уже у себя, вернулась после ланча с братом, невесткой и тремя их детьми – у них был дом в Мамаронеке. Нормальная рутина нормальной жизни.

У тротуара остановилась машина с четырьмя здоровенными копами. Вид у них был настороженный. Странно, но иногда что-то такое можно определить всего лишь по теням или силуэтам. Один из тех, что сидели сзади, вышел и открыл мне дверцу, потом сел сам. В результате я оказался аккуратно зажатым между двумя парнями в форме. Такими большими и уютными. Я откинулся на спинку засаленного винилового сиденья, вдохнул запах пластика и несвежих сигарет, свойственный большинству американских машин, и прислушался к тяжелому шороху шин, производимому всеми американскими машинами. Я расслабился и уже собрался потрепаться со своими спутниками, когда что-то твердое и тонкое проскользнуло между моими бедрами и решительно уперлось в мое правое яйцо.

– Даж ни птайсь.

Что, по их мнению, я мог попытаться? Не знаю. Даже если бы они вдруг потеряли сознание, выбраться из машины я смог бы, только просверлив дыру в крыше. Расслабленность улетучилась, я мгновенно взбодрился, но ощущал давящую, опасную усталость, и это не сулило ничего хорошего.

Глава 3

Одна моя половина испытывала мучительный соблазн не беспокоиться, не пытаться выяснить, кто они такие, куда меня везут и какие у них планы, а просто вырубиться, дать им сделать что они хотят, и, как говорится, пусть будет

что будет.

Другая же половина, та, что три десятка лет не позволяла мне сыграть в ящик, ни о чем таком и слышать не желала. И в глубине души я был этому рад.

«Познай врага своего», – говорит Библия. В течение восемнадцати месяцев интенсивной подготовки в Хайленде шесть лет назад мне часто говорили то же самое. Я изучал их, слушал их треп: ничего особенного – у спецов в разговорном отделе яичница вместо мозгов; главная тема – какой поворот, первый, второй или третий, ведет к Генри-Хадсон-Парквей. Считать до трех там умели.

Эти были головорезами. Четыре здоровенных наемных головореза. И что-то подсказывало, что они не ошиблись, взяв меня. Я уже почти слышал шум бетономешалки в багажнике, готовившей быстросохнущий бетон для пары тесных ботинок девятого с половиной размера.

Сквозь волоски в ноздрях головореза справа я видел далекие огни Бронкса. Мы ехали по западному берегу Гудзона, вдоль живописного Пэлисейдс-Парквей, мимо аккуратно подстриженных лужаек, аккуратно подрезанных кустиков и аккуратно выкрашенных указателей к аккуратно расположенным красоткам – все для того, чтобы показать, как богат и успешен штат Нью-Джерси по сравнению с задрипанным соседом на другом берегу глубокой-глубокой реки. И сегодня она казалась еще глубже, чем всегда.

Кольнуло в задницу. То, что в начале поездки ощущалось как небольшой комочек, теперь причиняло боль, становившуюся все острее с каждой новой неровностью. Я сидел на чем-то колючем. Эта боль вместе с тычками в интимные части тела начинала меня раздражать.

Впереди затрещала рация.

– Bravo-Дельта, на свадьбу успеваешь?

– Bravo-Дельта забрал жениха, – ответил сидевший впереди громила.

Некоторое время рация только потрескивала и попискивала, как делают всерации, потом голос сообщил:

– Понял, Bravo-Дельта. Выезжаем за невестой. До встречи у церкви.

– Все так, – сказал громила.

Чтобы понять, кого они называют невестой, сильно напрягаться не приходилось, но сидящий впереди тип – зубы у него выглядели так, словно подверглись атаке термитов, а изо рта воняло, словно он всю ночь пил из водосточной трубы, забитой дохлыми летучими мышами, – повернулся, явив помещавшуюся ниже шляпы и выше шеи жутковатую коллекцию шрамов, вмятин, пятен и фурункулов, и пояснил:

– Это про твою шлюшку, милый.

Сей перл английской лексики окончательно рассеял опасения насчет того, что меня взяли по ошибке. Вот только боль в заднице ничуть не ослабла, и общее самочувствие несколько не улучшилось. Я по-прежнему не знал, кто они такие и чего хотят, – получить труп, или источник информации, или же все вместе. Большого желания идти им навстречу я не испытывал, однако в свете сложившейся ситуации – если в ближайшее время не сделать умный ход – мое мнение не слишком много значило.

Мы свернули с Парквей на Западную Девятую и выскочили на пролежавшее через лесистую местность двухполосное шоссе. Пошел дождь, пока еще легкий, он уже стучал по крыше резко и сильно. Этот хлесткий звук мне доводилось слышать раньше при такой же примерно, как сегодня, температуре – колючий, леденящий дождь, едва ли не самый опасный из всех. Водителю он видится обычным дождиком – так оно и есть, да только при встрече с землей вода обращается в лед, и уже через несколько секунд дорога становится катком. В зимнее время это явление – обычное дело для северо-восточных прибрежных штатов. Вести машину по обледеневшей дороге трудно и страшновато. Судя по сдавленным проклятиям и снижению скорости, водитель осознал опасность. Пока идет дождь – пусть даже идти он будет и не долго, – о шофере можно не беспокоиться.

Я постарался сосредоточиться на стволе, клином застрявшем у меня между ног. «Смит-и-вессон» 44-го калибра или дешевая подделка, состряпанная каким-нибудь подпольным умельцем? В любом случае эта штука была сродни ручной гаубице и могла запросто вынести мои коронные регалии через сиденье и днище

машины. Имея дело с подделкой, нужно прежде всего беспокоиться из-за спускового механизма, весьма ненадежного и чересчур чувствительного к малейшему движению, что вполне устраивало сидевшего впереди громилу. Для таких типов не важно, где и когда пулнуть, – лишь бы пулять почаще, сохраняя свое место в платежной ведомости хозяина.

Верзила справа от меня беззаботно тарачился в окно. Его коллега впереди вытирал запотевшее ветровое стекло. За стеклом, далеко впереди, горел зеленый глаз светофора. Между нами и светофором мигали задние огни большого грузовика, скорее всего, тягача с прицепом. Мы катились вниз, причем слишком быстро, учитывая состояние дорожной поверхности.

Громила на переднем сиденье включил радиоприемник, который тут же разразился коммерческим джинглом. Потом музыка оборвалась, и бойкий, веселый голос взялся рассказывать, какими мерзкими, паршивыми, гнусными мужьями мы все будем, если не бросим прямо сейчас все и не займемся установкой в доме дренажной системы «Уэмтрэш», которая намного облегчит жизнь наших жен. Поскольку ни один из моих спутников не проронил ни звука, я решил, что они, должно быть, обдумывают преимущества означенной системы.

– Один из ваших друзей забрел прошлой ночью в мои апартаменты и застрелил не того парня, – сообщил я.

Громила с халитозом обернулся, изрек короткое «Заткнись» и снова уставился вперед.

Зеленый на светофоре сменился красным. Радио рассказало об изумительных сделках, ждущих нас в офисе местного дилера «Понтиака». Надо только прийти и спросить Элмера Хайамса. А уж Элмер Хайамс сделает все в лучшем виде. Осчастливить наши семьи, купив новенький «понтиак» дешевле, чем где-либо еще в Соединенных Штатах Америки, просто – только загляни к Элмеру Хайамсу.

Я со всей силы надавил левым большим пальцем на спусковой крючок револьвера, а ребром правой ладони врезал по державшей оружие руке, ствол прыгнул вверх, и я выдернул палец. Курок щелкнул по патрону, пуля вылетела и вынесла изрядный кусок крыши, другая вошла между лопатками сидевшего впереди громилы, вышла из его груди вместе с половиной сердца и, пробив ветровое стекло, исчезла в сельских просторах Нью-Джерси.

Теперь у меня было оружие. Водитель, ухватившись обеими руками за руль, пытался посмотреть, что происходит сзади. На мгновение он забыл про красный свет и остановившийся грузовик, потом вспомнил, врезал по тормозам и принялся крутить баранку туда-сюда. Сосед слева, получив удар по яйцам, взвился от боли. Я рванул ручку вниз, толкнул его прежде, чем он успел опуститься на сиденье, и выкатился вслед за ним. Еще одна пуля прошла ему кадык. Я грохнулся на самый край поросшей травой обочины и увидел, как большой черный автомобиль сделал полный разворот и заскользил носом вперед прямо под длинный кузов огромного грузовика, который бритвой прошел через переднее стекло, руль, шею водителя и сидевшего впереди верзилы, швырнул их головы на колени громиле на заднем сиденье и, наконец, срезал голову ему самому и вынес ее на заднее крыло, с которого она скатилась на дорогу.

Колющая боль в заднице никуда не делась. Я осторожно ощупал проблемное место, обнаружил что-то большое и твердое, оторвал от брюк и поднес к глазам: это была вставная челюсть.

Я сел и сделал несколько глотков воздуха и окиси углерода. На шоссе стало тихо, и только где-то впереди долго рвало водителя грузовика.

Глава 4

Я работал в Нью-Йорке на «Интерконтинентал пластикс корпорейшн». Компания занимала семь из тридцати двух этажей современного высотного офисного здания на Парк-авеню, 335. Шесть этажей шли вместе, с четырнадцатого по девятнадцатый, седьмым был пентхаус, состоявший из двух частных апартаментов для приезжих клиентов или высших управленцев. В один из этих апартаментов меня и определили – явно с расчетом сэкономить на съеме жилья, поскольку мое пребывание затянулось.

Компания производила приятное впечатление – энергичная, современная, успешная. Шикарные офисы, симпатичные секретарши и регистратор, фасад из коричневой стали и дымчатого стекла испускал ауру богатства.

Свою жизнь «Интерконтинентал пластикс корпорейшн» начинала под куда менее звучным названием – «Айдахо вуден бокс компани». Основал ее в разгар

Великой депрессии оставшийся без работы специалист по определению пола кур. Звали его Лео Шлимвайер. Отец Лео в начале двадцатого века эмигрировал из России в Соединенные Штаты вместе с семьей.

Дальше пошла семейная история. Лео был одним из девяти детей, оторванных вдруг от дома, загнанных под палубу переполненного парохода и брошенных на несколько недель в океан, в пот, блевотину и сотню других неудобств. В конце пути пароход исторг Лео вместе с семьей на берег славных Соединенных Штатов Америки, где они оказались в самом средоточии западной цивилизации: на Центральном вокзале Нью-Йорка.

Там им предложили на выбор пять разных железнодорожных билетов. Отец Лео Шлимвайера выбрал тот, который, о чем никто тогда не догадывался, обеспечил ему и семье самое унылое из возможных будущее. Через два с половиной дня они вышли в чреве земли обетованной: Бойсе, штат Айдахо. Вышли и опешили. Первым откровением для Шлимвайера-старшего, когда он ступил на землю, стал тот факт, что вокруг никого и ничего не было.

Шлимвайер работал не покладая рук и даже ухитрялся кормить и одевать семью. Один за другим подрастали и выросли дети; он давал им денег, сколько мог себе позволить, и отпускал в свет – добывать хлеб насущный собственными руками.

Черед Лео пришелся на начало Депрессии. Кроме нескольких долларов в кармане он имел за спиной лишь знание отцовской профессии: определение пола цыплят. Бедняк, но отнюдь не глупец, Лео быстро пришел к заключению, что весной 1930-го в Бойсе, штат Айдахо, на определении пола цыплят больших денег не заработаешь.

Вскоре он выяснил, что город испытывает острую нехватку в ящиках для фруктов, а большая часть населения, ввиду общего недостатка рабочих мест, продает яблоки и прочие фрукты прямо на улицах. К тому же дерево в краю бескрайних лесов, которые, похоже, никого не интересовали, стоило дешево.

Лео Шлимвайер взялся за дело, трудолюбием и простейшими инструментами превращая деревья в ящики для фруктов. Покупателей было хоть отбавляй, и он быстро сообразил, что с деньгами в кармане ничего не стоит найти людей, готовых сколачивать для него ящики. Через двенадцать месяцев Лео построил

большой сарай, в котором трудилось семьдесят пять человек. Еще не вполне это сознавая, он шел в одной шеренге с такими людьми, как Чарльз Дэрроу, изобретатель «Монополии», Лео Бернет, основатель крупного рекламного агентства, и многими другими, сделавшими огромные состояния именно в годы Депрессии.

Прибыли росли, и Шлимвайер начал вкладывать средства в оборудование, клепавшее ящики для фруктов намного быстрее, чем трудившиеся в мастерской безработные инженеры, биржевые маклеры, таксисты, страховые агенты и им подобные. Предприятие расширилось, увеличившись в три раза, число работников сократилось до тридцати, а объем продукции вырос в сто раз. В разгар Депрессии Шлимвайер купил свой первый «кадиллак».

В должное время Лео женился и произвел на свет сына, Дуайта, но ни жена, ни ребенок по-настоящему его не интересовали. Ящики стали его манией. Чуть ли не ежедневно он получал письма, в которых люди спрашивали, есть ли возможность производить другие типы ящиков. Его клиентами были уже не фермеры, а компании – они давали более высокую цену и, получая заказ, не пытались отсрочить платежи.

С открытием второй фабрики компания сменила название на «Нэшнл бизнес бокс компани». Вскоре Шлимвайер производил все: от медицинских шкафов до картотечных ящиков и сейфов. После начала Второй мировой войны он снова изменил название компании, теперь на «Нэшнл мьюнишнс бокс корпорейшн».

Каждый из трех контейнеров и каждый из трех ящиков для боеприпасов, использовавшихся вооруженными силами Соединенных Штатов во время войны, был произведен на принадлежавших Лео Шлимайверу фабриках.

После войны Лео начал экспериментировать с пластмассами и уже в скором времени приступил к выпуску пластмассовых автоматов по продаже напитков, пластмассовых картотечных ящиков и пластмассовых сумок для гольфа. Из пластмассы производилось все, во что можно было что-то положить. И последовало очередное переименование – на «Нэшнл пластик бокс корпорейшн».

В бизнесе стали пользоваться компьютерами, которые представляли в то время неприглядные сооружения с перепутанными проводами, жгучими электронными

лампами, сварными металлическими полосами и шуршащими лентами. И эти сооружения заняли огромные площади в некогда чистеньких и аккуратных офисах. «Нэшнл пластик бокс корпорейшн» удалось создать для них удобные корпуса, так что все компьютерное безобразие спряталось в серых или синих ящиках с переключателями и эффектно мигающими огоньками.

Следующим шагом Лео Шлимвайера стал выход на международный рынок и открытие первой фабрики за границей, в промышленной зоне между Слау и лондонским аэропортом Хитроу. Соответственно изменилось и название компании – «Интерконтинентал пластикс корпорейшн». А через шесть месяцев Шлимвайер свалился с обширным инфарктом и умер. Все унаследовала вдова, понятия не имевшая о том, что бизнес покойного мужа – это уже не только старый сарай, в котором по-прежнему сколачивали ящики для фруктов. Председателем и исполнительным директором она сделала своего девятнадцатилетнего сына, совершив тем самым свою вторую большую ошибку; первой был брак с Лео Шлимвайером.

Во всем, что касалось «пластикс корпорейшн», Дуайт Шлимвайер был полной противоположностью своего отца. Ни пластик, ни бизнес его не интересовали. Единственной всепоглощающей страстью Дуайта было коллекционирование бабочек. С величайшей неохотой он отрывался от убиения, помещения в рамку и каталогизации этих созданий, дабы подписать чек или одобрить важное решение. В течение четырех лет после смерти Лео прибыль «Интерконтинентал» неуклонно снижалась. Пяти фабрикам грозило закрытие из-за отсутствия заказов. Компания стала легкой добычей для желавших поглотить ее конкурентов.

В результате чрезвычайно сложных и тщательно спланированных сделок «Интерконтинентал пластикс корпорейшн» была приобретена неким британским консорциумом, которому требовалось надежное прикрытие для операций в Соединенных Штатах. Лишь небольшая группа англичан знала, что консорциум есть не что иное, как МИ-5.

Машин по шоссе проходило немного, да и те, что проползали мимо меня, тут же быстро набирали ход – желающих любоваться жуткой картиной не находилось.

Мне нужно было как можно скорее добраться до Сампи, и времени оставалось крайне мало. Если оно вообще оставалось. На попутку я не рассчитывал. Никто не станет подбирать незнакомца на темной дороге, разве что какой-нибудь насильник одинокую особу женского пола. У меня шансов не было совсем – грязный, с полуторадневной щетиной и диковатым взглядом, – так что если я собирался куда-то ехать, то от обычных любезностей надо было отказаться.

Я решил вернуться к тому месту, где мы свернули с парковой автострады и потом проехали под ней. Позиция полностью соответствовала намеченной цели: перед тем как повернуть на автостраду, машины максимально сбрасывали скорость.

Повторяя заученный прием – сжаться и расслабиться, сжаться и расслабиться, – я начал закачивать в кровь адреналин, гипервентилировать легкие. Мышцы, кровеносные сосуды, нервные окончания – все заработало в режиме полной готовности. Тело как будто зазвенело, заряжаясь энергией, и двадцатипятифутовый нырок к шоссе уже казался легким. Опасно легким.

Пригнувшись к земле, сжавшись как пружина, изготовившись к броску, я ждал. Ждал, вытащив из банков памяти все, что вбили туда за время подготовки.

Проехал, скрипя коробкой передач, грузовик. За ним другой. Громадный тягач с прицепом сухо протрещал дизелем в вечернее небо, выхлопы вылетали из-под внушительного капота перед ветровым стеклом. Прокатил универсал. Сидевшие сзади дети все еще крутили головой, оглядываясь на оставшиеся позади обломки. Сирена первой из спешащих к месту происшествия патрульных машин прорезала воздух, как нож режет сыр. «Феррари» взвыл от напряжения и, увлекаемый силой инерции, покачнулся на подвеске, словно гибкая и сильная кошка из джунглей. Потрепанный «форд», битком набитый «гризерами» и трясущийся от исторгаемых радио ритмов. И наконец то что надо, моя добыча – большой, с мягким верхом «шевроле» медленно выкатился, показывая правый поворот.

Я вперил взгляд в ветровое стекло – кроме водителя, в машине определенно никого не было. Убедился, что правая, толчковая нога твердо стоит на земле,

проверил опору левой, согнул колени, так что они почти касались земли. Больше одной попытки в таких ситуациях не бывает. Неудачное падение грозило серьезными повреждениями, а если, промахнувшись, не успеешь убраться с дороги вовремя, то можешь запросто оказаться под колесами следующей машины. И потом твои останки просто размажут по дороге остальные.

Мой мозг разделил движение «шевроле» на фракции, соответствовавшие фракциям времени. Я уже ясно видел лицо водителя: тонкое, нервическое, сосредоточенное на исполнении маневра – удержать машину на прямой линии прямого отрезка дороги. Опоздал. Нет, не опоздал.

Да, опоздал – и теперь лучше подождать следующую машину. Но другой такой же, с откидным верхом, можно и не дожидаться – движение слабое, а эта так близко к обочине и идет так медленно. Давай!

Я прыгнул – ногами вперед. Воздух ударил в лицо. Машина шла гораздо быстрее, чем казалось сверху. Я целился металлическими подбойками на каблуках в среднюю панель крыши, опасаясь попасть на ПВХ – он бывает чертовски твердым, – но все прошло не так уж плохо. Панель не выдержала, верх порвался с жутким треском, моя спина ударилась о металлическую стойку, и что-то хрустнуло. Вторая стойка резанула кожу, и руку пронзила острая боль. Я грохнулся на заднее сиденье, почувствовав, как смялись и лопнули подо мной пружины, подскочил, словно неуклюжий слон на батуте, и снова приземлился – грузно, выбросив ноги к стенке и с силой вдавив их в обшивку боковой панели. Хлопнувшись задницей на сиденье, я уже сунул руку в нагрудный карман – за «береттой».

Мое внезапное вторжение ударило по нервам водителя. Машину резко бросило в сторону, через две полосы парковой автострады, потом в обратную сторону, на обочину, и вынесло к разделительному барьеру, который мы зацепили задним бампером. Мы мчались зигзагом, чудом избегая жесткого столкновения с центральным разделителем и боковым ограждением. Немного освоившись в ситуации, водитель вернулся на исходную полосу и ударил по тормозам.

– Не тормози – газуй! – крикнул я. – Бога ради, дави на газ!

Но было уже поздно – покрышки взвизгнули, и я, повернувшись, увидел фары седана, почти вертикально уткнувшиеся в асфальт. Готовясь к столкновению, я

попытался расслабиться. От удара нас подбросило и наполовину развернуло. Водителя швырнуло вперед, но его спас ремень безопасности, моя же голова испытала на прочность крышу. Второй удар, уже полегче, пришелся в корпус за водительской дверцей. Визг покрышек, грохот металла, скрежет стекла еще сопровождали нас некоторое время – несколько автомобилей, двигавшихся по парковой автостраде в южном направлении, не избежали столкновения.

– Пошел! – сказал я. – Пошел!

– Я... но... я...

– Шевелись, черт возьми! Не стой на месте!

– Авария. Надо остановиться. Полиция... страховка... Надо остановиться.

– Трогай, идиот! Говорю тебе, трогай. Вперед!

– Но... моя машина...

– Жми на газ! Жми, черт возьми, а то отстрелю тебе яйца и продырявлю башку.

– Не заводится. – Водитель отчаянно крутил ключ в замке зажигания, но каждый раз ответом был жуткий металлический скрежет. – Не заводится!

– Уже завелась, – сказал я.

Он повернулся ко мне с жалким, почти умоляющим выражением и замер, наткнувшись на малоприятное и не склонное к сочувствию дуло «беретты».

Что-то до него, должно быть, все-таки дошло: он наступил на педаль газа, и колеса, царапнув покрышками о прогнувшиеся надколесные арки, протестующе провернулись. Машина дернулась вперед под оглушительный грохот, с которым нас покинула выхлопная труба. Гудя, словно помесь буксира со сталелитейным цехом, мы снялись с места и стали набирать скорость.

– Вот так и держи, легко и спокойно, а главное, друг мой, двигайся побыстрее.

Водитель чуть заметно кивнул. Приклеившись к рулю, он сидел с прямой спиной, будто кролик, у которого преждевременно наступило трупное окоченение.

- Да... э-э... сэр.

К сожалению, он принадлежал к тем людям, которые категорически не способны удерживать машину на прямой, и постоянно елозил руками по рулю. До пятидесяти миль в час это было еще терпимо, но по мере приближения стрелки спидометра к шестидесятипятимильной отметке нас стало неприятно покачивать – машина теряла управление и выходила из-под контроля.

- Сбрось до пятидесяти и держись на них. На мосту Джорджа Вашингтона, когда доедем, прими влево.

- Да, сэр.

Маленький, опрятный, аккуратный латиноамериканец. Вальс Шопена на магнитофоне. Волосы короткие, смазаны гелем и зализаны назад. Коричневый, в клетку, довольно пестрый пиджак с ярко-красной рубашкой и голубым полиэстеровым галстуком. Судя по исходившей от него вони, он пользовался одновременно и лосьоном после бритья, и одеколоном, и тальком, и антиперспирантом, и спреем для ног. На вид – явный клиент Элмера Хайамса.

- Тебя как зовут?

- Генри... э-э... Тимбак... э-э... сэр. Генри Си Тимбак, сэр.

- Рад с тобой познакомиться, Генри Си Тимбак.

- Спасибо, сэр.

Он немного пришепетывал, но это только добавляло его голосу изящества. Типичный для нью-йоркских геев слегка гнусавый, пронзительный говорок. Он чуточку расслабился, что было ошибкой, поскольку мы едва не въехали сзади в автобус.

Вид у Генри Си Тимбака был такой, будто он собрался немного оторваться в этот воскресный вечерок где-нибудь на Манхэттене. Может быть, пойти в какой-то бар, посидеть там в одиночку, попытаться кого-то снять, или пообедать с бойфрендом, или – занятие для самых одиноких – покружить по улицам.

Через разодранную крышу врывался ветер, и я перебрался на переднее сиденье, под защиту ветрового стекла. Вонь от парфюмов ощущалась здесь еще сильнее.

– Чем занимаешься? – спросил я, сам не зная зачем. Мне было совершенно наплевать, чем он там занимается, да и ответ его затерялся в шуме ветра. Мне предстояло разобраться – причем побыстрее – в куче дел, имевших куда более высокий приоритет, чем карьера Генри Си Тимбака. Заново перебирая последние события, я старался понять, сочетаются ли они между собой, и если да, то в чем именно.

Холодок заполз за шиворот.

– У тебя здесь печка есть? – поинтересовался я.

Тимбак пошарил по панели, нащупывая какие-то кнопки, и машина снова вильнула в сторону. К счастью, рядом никого не оказалось. Поток обжигающего воздуха устремился на мои ноги, другой же, студеной, ударил в живот. Из-за панели слышались звуки, издавать которые мог разве что страдающий астмой бульдог.

Я постучал по кнопке того, что посторонний мог принять за самые обычные цифровые часы «Сейко», но на самом деле являлось воплощением технической изобретательности МИ-5. Уровень их точности был таков, что за два года они не теряли и не набирали ни одной лишней секунды, будь то на Земле, на Луне или в океане, на глубине пяти миль. На мой взгляд, особенного смысла в такой точности нет, если только ты не собираешься в большое межгалактическое путешествие. Я не собирался. На циферблате светилась сегодняшняя дата. Вообще-то дата мне была ни к чему – я хотел узнать время. Вторая попытка дала тот же результат – на кремовом фоне появилась темно-фиолетовая дата.

Я щелкнул по кнопке даты. Она выдала то же самое. Третья попытка узнать время закончилась тем, что часы указали мое точное положение над уровнем моря. Я сделал мысленную закладку: по возвращении в Англию придушить двух

почтенных джентльменов, мистера Траута и мистера Трамбулла. Теряя терпение, снова ткнул пальцем и узнал температуру – сначала в градусах Цельсия, потом Фаренгейта – и барометрические показания. Далее часы любезно предоставили информацию о том, который сейчас час в Японии, Исландии, Ливии, Румынии и Аргентине, и торопливо выдали серию кодов для связи с лондонским Центром практически из любой точки мира. Затем устройство окончательно спятило, стало нести какую-то чушь, и, наконец, циферблат превратился в темную окружность с мигающими огнями, из-за чего стал похож на вход в модный стрип-клуб.

Часы на панели показывали 08:25.

– Они правильно идут? – спросил я.

– Э... вообще-то нет, сэр. Обычно спешат на полчаса, но сейчас они вообще стоят... наверное, месяца два уже.

– А у тебя часы есть?

– Нет. Я их не ношу. Хулиганы... сами знаете... Я никогда не беру с собой никаких ценностей, когда выезжаю.

– И что ты делаешь со своими камешками? Прячешь в стакане с водой?

Если Генри Си Тимбак и обладал чувством юмора, то скрывал это очень тщательно. Сделав вид, что ничего не услышал, он лишь скрипнул зубами и сжал плотнее губы. Одна половина его физиономии говорила о том, что он ни за что не опустится до того, чтобы смеяться вместе с бандитом, другая – о том, что ему выпало самое волнующее за всю жизнь приключение.

Я посмотрел по сторонам – радио нигде не было.

Только магнитофон, продолжавший играть Шопена. Музыка действовала на нервы, и я вытащил кассету.

– Где радио?

– О... Я его убрал. Только настроение портит – слишком много плохих новостей. Включишь, начинаешь слушать какую-нибудь приятную программу, музыку или спектакль, и тут новости – убийства, изнасилования, авиакатастрофы, бомбы. Не понимаю. Зачем передавать что-то хорошее, а потом портить все этими новостями?

Объяснять Генри Си Тимбаку, что так устроен мир, не было времени. Я негромко выругался – вот же незадача. Угнал единственную в Штатах машину, в которой нет радио.

Со времени побега от липовых полицейских прошло минут пятнадцать. Еще минут пять я провел в компании Тимбака. Если посланная за Сампи группа и не добралась пока до ее квартиры, то определенно находится где-то близко. И мне нужно попасть туда раньше.

– Сэр, я не вполне понимаю, кто вы, – сказал Тимбак, – и готов выполнить все ваши пожелания. Можете забрать мои деньги – у меня при себе немного, но я с радостью выпишу чек, если...

Сзади что-то грохнуло, и он умолк и сбросил газ.

– Гони!

– Но этот шум...

– Ерунда.

– Похоже, что-то отвалилось.

– Прибавь еще.

Пусть и с неохотой, он все же подчинился.

– Мне... Я... Мне очень дорога эта машина. Она у меня первая.

Я начинал понемногу беситься от одного лишь звука его голоса.

– Вы ведь из Англии, верно? Понимаете, у меня был друг из Англии. Приезжал, останавливался – чаще всего под Рождество. У него бизнес в Кардиффе – химчистка. Кардифф – это, наверное, не совсем Англия...

Чем больше он говорил, тем хуже вел машину. В конце концов я не выдержал:

– Прижмись к обочине и остановись. Посмотрим, что там у тебя сзади.

– Спасибо, сэр.

Машина вильнула в сторону и, резко дернувшись, остановилась.

– Я быстро, сэр. На одну секундочку. Только взгляну.

Генри Си Тимбак выскочил из машины и метнулся к заднему бамперу, а я – на освободившееся место. Но еще раньше, чем моя задница опустилась на его сиденье, я переключил передачу и вдавил в пол педаль газа. Получив порцию гравия и выхлопных газов, бедняга Тимбак остался на обочине. Как только я проскользнул за руль, на панели тут же замигала предупреждающая лампочка, и захрипела пищалка. Пришлось набросить на себя ремень безопасности, что обошлось в несколько потерянных секунд. Мне нужно было срочно найти телефонную будку. Она обнаружилась через пару миль – на заправочной станции.

Я набрал номер. Один гудок... второй... третий... пятый... Черт.

– Алло? – Голос Сампи. Обеспокоенный. – Макс? Ты где?

– Ты в порядке?

– Да. Все хорошо. Прекрасно провела время.

– Говорить можешь?

– В каком смысле? Конечно, могу. Ты как? У тебя какой-то странный голос...

Уже немного легче. Она говорила не так, как если бы какой-то громила держал пистолет у ее виска. Тем не менее что-то было не так. Голос звучал не совсем обычно для Сампи, девушки милой и мягкой, но с восхитительно грязным воображением. Что-то было не так, но что? Придорожная телефонная будка не самое лучшее место для проведения голосового анализа.

Я серьезно забеспокоился. В любую секунду кто-то мог ворваться в ее квартиру. Мне требовалось еще немного времени, чтобы успеть туда раньше.

– Милая, выслушай меня внимательно и сделай то, что я скажу. Запри входную дверь. На замок и задвижку. Разденься, возьми свою сумочку и перейди в ванную. Закройся в ванной и никому не открывай, пока не услышишь меня.

– Ревнуешь, Макс?

– Не угадала. Но все равно сделай как я сказал. Прямо сейчас. Хорошо?

– Хорошо, – неуверенно сказала она.

– Тебе это не нравится?

– Нет, просто... полиция хочет прислать кого-то... опросить меня... ну, насчет того, что случилось прошлой ночью.

Меня словно ударило молнией. Весьма возможно, что полиция действительно хотела опросить ее, но там, в участке, когда мы закончили, Суперпечатник сказал, что с их стороны вопросов больше нет и дело закрыто. Кто бы ни пришел к Сампи, он будет не из полиции, даже если и имеет хорошие связи в участке.

– Ты просто зайди в ванную. Еще лучше – в душевую кабинку. Я буду через пять минут и сам с ними разберусь.

– Хорошо.

– Пока.

Я вылетел из будки и вернулся к машине. Заднее колесо спустило, и общее состояние бампера вряд ли могло порадовать Тимбака.

Несмотря на спущенное колесо и характерное для воскресного вечера плотное движение, я прошел маршрут – от моста Джорджа Вашингтона и через весь Манхэттен по ширине – за двенадцать минут и оставил машину в квартале от квартиры Сампи, в районе Саттон-Плейс. Обежав здание, я оказался перед главным входом. Справа от него стоял большой «крайслер» с двумя мордоротами на переднем сиденье. Даже издали оба выглядели как двоюродные братья тех громил, что так не понравились мне при недавнем знакомстве.

Я проскользнул в здание через оказавшуюся открытой боковую дверь и подбежал к лифтам. Все четыре шли вверх с нижних этажей. Лифты здесь скоростью не отличались, и я решил подняться по лестнице, чтобы опередить гостей, если они попытаются спустить Сампи в одном из них. Мне предстояло одолеть сорок два марша. Черт, уж лучше бы ньюйоркцы брали пример с лондонцев и жили в подвалах. Я был в хорошей форме, но усталость все равно давала о себе знать: сердце колотилось, легкие горели, и мне уже казалось, что перилам не будет конца и я никогда не доберусь до верха.

Жуткий визг, глухой удар, и я растянулся на ступеньках вместе с пожилой парой, отброшенной, как кегли, на площадку: он – в меховом пальто поверх смокинга, она – в пышном сногшибательном наряде да еще с двумя пекинсами, один из которых отчаянно затыкал, а другой залаял. Я кое-как выпутался из этой неразберихи и, пробормотав невнятные извинения, устремился на новый штурм лестницы.

Наконец-то – номер 42 на стене. Я остановился и попытался отдышаться, потом осторожно выглянул в коридор. На полу – роскошный, под персидский, широкотканый ковер, прочные и красивые двери темного дерева. Между лифтами и закрытой дверью квартиры Сампи – здоровенный верзила, изо всех сил и крайне неудачно старающийся сделать вид, будто ждет лифта, при том, что ни одна из лампочек вызова не горела.

Воспользовавшись моментом, когда он посмотрел в противоположную сторону, я быстро прошел по толстому коврику и оказался у него за спиной.

– Извините, это сорок первый этаж?

Верзила повернулся, удачно подставив скулу под мой кулак. На всякий случай – а вдруг действительно коп? – я ударил не слишком сильно, но вполне достаточно, чтобы не ждать от него неприятностей в ближайшие несколько минут. Он свалился, и я забрал у него оружие. Одного взгляда на эту подделку хватило, чтобы понять: полицией здесь не пахнет. Заметив справа дверь с надписью «Мусор», я затащил верзилу в закуток.

Из квартиры Сампи не доносилось ни звука. Я приложил ухо к двери – шум душа и больше ничего. Мой расчет строился на том, чтобы застать друзей мусорщика врасплох, но достичь желаемого эффекта, просто войдя через дверь, удалось бы вряд ли. Я открыл замок соседней квартиры и, держа наготове пистолет, переступил порог. Вот только целиться было не в кого. В этой квартире, похоже, вообще редко кто-то появлялся. Скорее всего, какой-то небедный бизнесмен использовал ее для веселого времяпрепровождения.

Квартиры в многоэтажках могут легко превращаться в весьма неприятные ловушки. В них часто есть открытые балконы, но редко бывают пожарные лестницы, так что выход только один: через дверь. Когда мы с Сампи стали встречаться регулярно – она предпочитала делать это на своей территории, а не на моей, – я решил создать запасной выход, еще не зная, пригодится ли он когда-нибудь.

Так в одной из стен, отделявшей душевую кабину Сампи от душевой соседа, появилась панель, о существовании которой моя подруга даже не догадывалась. Я достал нож и вставил лезвие между двумя керамическими плитками с живописными сценами плотских утех древних этрусков. Снять плитки не составило труда, после чего я убрал и секцию панели высотой около трех ярдов. Не успела Сампи сообразить, что происходит, как я оказался рядом в душе и зажал ей ладонью рот, успев заодно до нитки промокнуть под струей, слишком горячей на мой вкус.

Я втащил Сампи в соседнюю квартиру, потом вернулся за ее сумкой. Еще не оправившись от шока, она молча хлопала ресницами. Я усадил ее на софу и кое-как задрапировал пушистыми полотенцами, изъятыми из шкафа любвеобильного соседа.

– Сколько их там?

– Сколько их там? Ты о чем говоришь?

– О полицейских, которые, как ты сказала, собирались к тебе прийти.

– Я никого не впускала. Сделала все, как ты велел. Сразу пошла в душ – теперь такая чистая, какой в жизни не была. Слышала, что в дверь звонили, но не отвечала. Что происходит, Макс?

– Объясню позже, не сейчас. Ты просто делай все в точности, как я скажу. Тот, кто звонил в дверь, не полицейский. – Я поставил на место панель, потом плитки и порылся в шкафу. Нашел вполне симпатичное платье от Кельвина Кляйна и стопку шелковых шарфов от Корнелии Джеймс. То ли он держал их здесь для своей любовницы, то ли наряжался сам. В любом случае со вкусом у него все было в порядке.

Всунув Сампи в платье и повязав шарфом ее еще мокрые волосы, я подошел к двери и выглянул в коридор. Пусто. Мы тихонько выскользнули из комнаты. Не спуская глаз с двери квартиры Сампи, я нажал кнопку лифта и опустил руку в карман, где лежал пистолет – со снятым предохранителем и установленным в третье положение переключателем режима огня. В данном режиме при каждом нажатии на спусковой крючок «беретта» выстреливала в выбранном направлении три круглоносых кусочка свинца, улетающие со скоростью 375 метров в секунду. В том, что, пока Сампи принимала душ, в квартиру кто-то вошел, у меня сомнений не было. Теперь гость ждал, когда она выйдет, но долго так продолжаться не могло. Очень скоро он обнаружит, что девушка пропала, а потом найдет и потайной ход.

Прибыл лифт. Створки кабины разъехались, и мы вошли. В этот же самый момент из квартиры Сампи вывалились в коридор два громилы. Первый, с пистолетом, увидел нас и вскинул руку:

– Эй, вы, стойте!

Створки сомкнулись, так что диалога не получилось. Я ткнул пальцем в кнопку «Подвал», и кабина пошла вниз.

– Думаю, Макс, нам бы следовало остановиться.

– Конечно, следовало бы – тогда бы нам точно продырявили головы. Доверься мне. Эти парни – не полицейские. Я все тебе объясню, но только не сейчас. Сейчас наша главная задача – постараться убраться отсюда целыми и невредимыми.

Интересно, ждут ли они другого лифта или уже спускаются по лестнице? Лифт, конечно, не скоростной, но у нас все же было небольшое преимущество, и, как бы быстро они ни бежали, мы должны были, по моим расчетам, прибыть вниз чуточку раньше.

Двери открылись. Нас встретила шумная толпа желающих подняться. Верзил видно не было. Я сразу же повел Сампи на подземную парковку. Ее приметный красный «дженсен» стоял на четвертом уровне, но воспользоваться им было бы слишком опасно – нас обязательно опознали бы оставшиеся на улице наблюдатели.

Подземные парковки в жилых многоэтажках всегда места жутковатые, и это не было исключением: тусклое освещение, запах теплого машинного масла, пощелкивания в теплых батареях, тяжелое дыхание экстракторов. Держа в руке пистолет, я внимательно посматривал на дверь за спиной. Сампи все еще не отошла от шока, но объяснять ей что-то было сейчас бесполезно. Она была жива и имела неплохие шансы на то, чтобы и далее оставаться в таком состоянии – при условии выполнения моих инструкций, – пусть довольствуется пока этим.

Справа от нас стоял зеленый «бьюик». Я снял ключ со своего кольца, сунул в замок двери – и первая же попытка оказалась удачной. Я сел за руль и вставил ключ в замок зажигания. На этот раз пришлось немного повозиться, потрясти и покрутить руль. Наконец зажигание включилось, и стрелка сдвинулась с мертвой точки. Я прижал педаль и подтолкнул ключ. Двигатель заработал с первого раза. Я выскочил и затолкнул в машину Сампи.

– Поехали. Быстрее. Главное – не останавливайся. Кого бы или что бы ни увидела. Отъедешь десятка на полтора кварталов – выходи. Машину оставь, садись в такси и поезжай напрямик в «Травелодж» в аэропорту имени Кеннеди. Возьми номер на двоих на имя мистера и миссис Джон Уэбб. Я приеду как только смогу.

Она посмотрела на меня и открыла рот, но сказать ничего не успела.

– Поезжай! – рявкнул я.

Она поехала.

Я стоял, провожая ее взглядом, пока поржавевшая металлическая дверь не поднялась, гулко лязгнув, пропуская «бьюик». Я достал из кармана еще один шелковый шарф и повязал им голову. Может быть, сидя в ее машине, мне и удастся кого-то обмануть.

Я подбежал к «дженсену», сунул ключ в замок и уже собирался открыть дверцу, когда короткий сухой треск разлетелся по парковке гулким эхом, а по металлической балке над головой ударила и с визгом срикошетила в соседнюю машину пуля.

Я бросился на пол. За первой пулей тут же последовала вторая. Я прополз вперед и высунул голову из-за массивного крыла «линкольна». У входа стоял, пригнувшись, один из двух верзил, наведывавшихся недавно в квартиру Сампи. Пистолет он держал в вытянутой руке, чем и объяснялся не самый лучший результат. Теперь он пытался отыскать меня взглядом и, крутя головой, соответственно водил пистолетом из стороны в сторону. Я решил немного помочь ему, обозначив свое местонахождение. Приподнялся на локтях, сжал рукоятку «беретты» обеими руками, переключился на одиночную стрельбу, прицелился и дважды быстро нажал на спусковой крючок. Впрочем, хватило бы и одного. К тому времени, когда вторая пуля пролетела разделявшее нас расстояние – пятнадцать с чем-то футов, – цели на месте уже не было, поскольку первая ударила громилу в грудь и вынесла через дверь в коридор, к лифтам.

В другом конце парковки что-то загрохотало. Оказалось, что это закрылись электрические ворота. Я встал на колени и внимательно огляделся. Никого не видно. Я снова перевел «беретту» в режим автоматического огня. Потом,

пригнувшись, метнулся к «дженсену» и всадил в гнездо ключ зажигания – ради бога, включись! Могучий восьмицилиндровый двигатель отозвался ленивым урчанием – ну же, давай, давай! – повернулся раз... другой... потом, на пятом повороте, все восемь цилиндров наконец ожили, стрелка тахометра прыгнула к 1500, выхлопная труба дрогнула от напряжения. Я передвинул рукоятку коробки передач, и автомобиль сдвинулся на несколько дюймов. Я отпустил ручной тормоз и медленно выехал в проход.

Сидя в «дженсене», ощущаешь мощь этой машины – впереди поднимается внушительный капот, руки лежат на чутком, надежном, обтянутом кожей руле, сиденья и панели испускают благородный запах кожи. Ощущение такое, что этот механический зверь только и ждет приказа, чтобы продемонстрировать всю свою затаенную мощь.

Всматриваясь в каждую тень, каждый уголок, я катил по проходу к воротам. Внезапно от пешеходного входа ударил луч света, и в нем мелькнули две фигуры. Увидев меня, они остановились и словно по команде вскинули пистолеты. Я нырнул за панель, и в тот же самый миг из обоих стволов вырвались огненные стрелы. Одна пуля царапнула крышу, вторая проделала аккуратное отверстие на пассажирской стороне ветрового стекла и, изменив направление движения, ужалила меня в ухо.

Я приоткрыл дверцу и одну за другой выпустил в их направлении три пули. На попадание рассчитывать не приходилось, мне всего лишь нужно было выиграть несколько секунд. Позади меня в корпус «дженсена» ввинтилась еще одна пуля. Третий стрелок. Должно быть, появился из той же двери, что и его подстреленный товарищ. У меня оставался только один вариант – убираться отсюда к чертовой матери. И поскорее.

Не поднимаясь из-за панели, я переключился на нижнюю передачу и придавил педаль газа. Потом высунулся на секунду – определить направление. Двигатель рыкнул, покрышки взвизгнули, царапнув по бетону. Машина завилела, пытаясь удержаться на прямой, и я крутанул руль. Потом резина нашла сцепление, и машина как будто присела на задних пружинах, подняла нос и, словно брошенный катапультной снаряд, рванулась вперед. Меня прижало к спинке сиденья. Я еще успел притормозить перед правым поворотом к съезду. Пули щелкали и звякали, вырывая куски стекла. Я добавил газу и подобрался, готовясь к толчку. Передние колеса миновали резиновую полосу перед автоматическими воротами, но сами ворота успели подняться лишь на несколько

дюймов, когда мы врезались в них и прорвались под скрежет рвущегося металла – на скорости семьдесят миль в час нос «дженсена» отшвырнул их в сторону, словно картонку.

Я сбросил скорость, не желая привлекать к себе ненужного внимания какого-нибудь полицейского патруля, поскольку дырки от пуль потребовали бы детального объяснения. Сампи, конечно, не обрадуется, увидев своего любимца в столь неприглядном состоянии, но думать об этом сейчас я не мог. Выехав на Вторую авеню, я влился в текущий по Манхэттену лабиринт воскресных огней, проехал два или три квартала и, увидев темную улочку, свернул в нее.

Никого. Я поставил «дженсен» между двумя припаркованными автомобилями, вышел и зашагал прочь. Впереди уже сияла огнями Третья авеню. Я осторожно оглянулся – не потому что ожидал слежки, а потому что осторожность никогда не бывает лишней.

Остановил такси. Сел:

– Отель «Плаза».

Водитель покрутил счетчик, нацарапал место назначения, и мы отправились. Машина была грязная даже по нью-йоркским стандартам, и интерьер выглядел так, словно в свободное от перевозки пассажиров время такси сдавалось в аренду и служило обезьянником в Центральном зоопарке.

Мы проехали пять кварталов.

– Я выйду здесь.

– До «Плазы» отсюда не близко, приятель. – Таксист оглянулся, посмотрел на меня, и по выражению его лица стало ясно, что даже он, владелец этого сортира на колесах, рад избавиться от промокшего и вываленного в грязи обломка человечества. – Доллар и сорок центов.

Я сунул ему две промокшие долларовые бумажки:

– Сдачи не надо.

- Эй, и что мне с ними делать? Повесить сушиться?

- Нет. Купи себе новую тачку.

Он отъехал, сердитый, бормоча ругательства на том наречии, что характерно для нью-йоркского извозничьего братства.

Пройдя до конца квартала, я остановил другое такси, двигавшееся в противоположном направлении. Еще раз огляделся. Сел:

- Отель «Травелодж», аэропорт Кеннеди.

Расслабившись на заднем сиденье, я и не заметил, как оказался на месте и уже через полчаса стоял в номере, снятом мистером и миссис Уэбб.

Сампи сердилась. По-настоящему. Такой злой я ее раньше не видел.

- Ты сумасшедший. Точно сумасшедший. Совсем, на хрен, с катушек съехал. Или беглый преступник. Не знаю. Лично я думаю, что ты спятил.

Я решил, что сообщать ей не самые приятные новости насчет машины сейчас не лучшее время.

- Успокойся.

- Успокойся? Успокойся?! Хочешь, чтобы я, на хрен, успокоилась?!

На столике, рядом с которым стояла Сампи, лежал тяжеленный телефонный справочник. В симпатичном переплете из искусственной кожи, с надписью «Травелодж» золотыми буквами. Им-то Сампи и запустила в меня. За справочником последовали два стеклянных подноса с той же фирменной надписью. Потом ее сумочка. Мне удалось увернуться от всего, кроме сумочки, которая попала в живот. На пол хлынул водопад: ключи, тампоны, записная книжка, губная помада, зеркальце, пудра, шариковый дезодорант, парковочные талоны и мышеловка.

- Это еще что?

– Мышеловка, что ж еще?

– Зачем она тебе?

– Зачем? Мышей ловить. Таких маленьких, сереньких, с длинными хвостиками – пи-и-и, пи-и-и... Вылезают из дырок в стене, бегают, едят сыр.

Я поднял сумку и, порывшись, отыскал пачку «Мальборо» и зажигалку «Зиппо» в платиновом футляре с гравировкой. Вытряхнул сигарету, щелкнул зажигалкой и с удовольствием затянулся, наполнив легкие сладковатым дымком и бензиновыми парами. Опустился на кровать. Вид у меня был, наверное, страшноватый.

– Извини, – сказала Сампи и, подойдя, обняла меня и села рядом. – Ты весь мокрый. Еще простудишься, чего доброго. Ты ведь не хочешь простудиться.

Она была права. Простудиться я не хотел. Сампи помогла мне стянуть мокрую одежду, после чего я забрался в кровать, лег между двумя свежими, восхитительно чистыми простынями и закрыл глаза. В планах у меня был долгий, долгий сон.

– Карманники.

– Что?

– Воры-карманники. Мышеловка для них. Для карманников.

– Зачем карманникам мышеловка?

– Обманка. Я открываю мышеловку, кладу ее в сумку, вор сует руку – щелк! – и попался! Пальчики прищемил.

– И кто же поделился с тобой такой замечательной идеей?

– Одна подруга. Она пользовалась мышеловкой несколько лет.

– А если забудешь и сунешь собственный палец?

За вопросом последовало долгое молчание. Меня потянуло в сон. Ответа я так и не услышал.

Глава 7

Все началось однажды утром в Париже, чуть более шести лет назад. Тот день стал первым по-настоящему теплым днем в году. Весна уже несколько недель поворачивала к лету и в тот день повернула окончательно. Париж был хорош, что-то особенное ощущалось в самом воздухе. Автомобили катились чуть медленнее, окна, месяцами остававшиеся закрытыми, распахнулись, и гуляющие смогли наконец продемонстрировать новые, летние наряды. Кафе снова выступили на тротуары вместе с подносами, заставленными бутылочками «Перно», и официантами в белых рубашках с короткими руками и черных жилетках.

Всем этим благолепием я наслаждался, сидя за столиком на Елисейских Полях. Хороший кофе, хорошая сигарета и чертовски хорошенькие девушки – по крайней мере девять из десяти, проходившие мимо меня по улице. Чуть дальше, на парковочной линии между тротуаром и дорогой стояла моя машина. Старенький, но вполне еще в форме «Ягуар-ХК120». Немного припорошенный пылью, но тем не менее он прижался к бордюру, откинув крышу, и его четырнадцатифутовый корпус цвета полуночи привлекал куда больше взглядов, чем соседние «Феррари-ГТВ308» и «порше-турбо».

Красавец. К нему, конечно, надо было приложить руки, чтобы вернуть полный блеск далекой юности. Заново покрасить, перехромировать бамперы и радиаторную решетку. С откинутой крышей он смотрелся элегантнее, поскольку сама крыша могла похвастать лишь дырками. Почистить двигатель, заменить покрышки, подновить интерьер. Я надеялся, что когда-нибудь, когда смогу себе это позволить, приведу его в порядок, а пока ему ничего не оставалось, как стоять таким, как есть. На тот момент с деньгами было туго, но я не сомневался: что-то обязательно подвернется. Так обычно и случалось – пусть и в разной форме и не в самых подходящих местах.

Семью месяцами ранее британская армия пришла к выводу, что может обойтись без меня. К этому решению она склонялась без малого три года. Потерпи они еще несколько месяцев, я бы, по крайней мере, положил в карман изрядный куш. Мои родители развелись рано, а затем, один за другим, стали жертвами несчастного случая в разных частях света, оставив меня на попечение не слишком заботливого отставного бригадира, проживавшего тогда в Париже. У него было одно неизменное правило: каждый из тех, кто, как он считал, достался ему в наследство, – племянник, крестник или иного рода подопечный (как я), – в случае успешного окончания британского военного училища Сандхерст (бригадир сам учился там когда-то) получит в день выпуска чек на сто тысяч фунтов. Он также согласился, пока я нахожусь в Сандхерсте, поддерживать меня финансово и решительно отозвал означенную поддержку, узнав о моем отчислении.

Армия научила меня заботиться о себе и убивать людей. Навыки полезные с практической точки зрения, но не самые подходящие для бизнес-карьеры, хотя, возможно, знающие люди придерживаются противоположного мнения. В конце концов я решил отдаться на волю судьбы и посмотреть, куда она меня направит. А для начала стал рекламировать себя в персональной колонке «Таймс»: «Молодой человек. Бывший военный. Готов взяться за любую работу, имеющую отношение к расследованиям или обеспечению безопасности, а также в качестве охранника. Есть машина. Имею лицензию пилота. Искать по будним дням от 11:00 до 13:00 в кафе „Лидо“, Елисейские Поля, Париж».

Объявление висело уже второй месяц, и результат давал надежду на лучшее. Сопровождение семейной пары на лыжный курорт. Доставка картин в Даллас. Слежка за женщиной, подозревавшейся в романе на стороне, – как оказалось, она всего лишь втайне посещала психотерапевта. Транспортировка двух доберман-пинчеров на виллу на юге. Был еще один нервный британский бизнесмен, живший в Париже, которого я раз в неделю доставлял к двери дешевой проститутки на рю Сен-Дени, а потом дожидался снаружи, пока они закончат, – бизнесмен боялся, что его ограбит сутенер этой шлюхи.

Я сидел, держа на виду «Таймс» и потягивая сигарету. Последние два дня получились не слишком удачными с точки зрения бизнеса, но оснований для беспокойства не было. Кто знает, может быть, какая-нибудь изящная, загорелая, роскошная разведенка с кучей денег и неукротимым желанием провести две недели на своей вилле на Сардинии в компании ни на что не претендующего друга вот-вот клюнет на мою приманку.

Тип, пододвинувший к моему столику другой стул и сам его занявший, едва ли соответствовал моим ожиданиям: старый потрепанный макинтош желтовато-коричневого цвета, плотная шерстяная рубашка «вайелла» и незнакомый мне клубный галстук неприятного оттенка зеленого.

Первым делом незнакомец вытащил из кармана брюк несвежий носовой платок и вытер выступившие на лбу бусинки пота. Дышал он тяжело, но не потому, что совершил неожиданный рывок за автобусом или что-то в этом роде, а как человек, для которого собственное тело не столько полезная машина, сколько довесок, изнурительное обременение; как человек, настолько недееспособный и страдающий от избытка веса, что даже простой акт транспортировки его через тротуар на своих двоих требовал особого усилия; как человек, призывающий на помощь все свои силы, дабы поднести ко рту вилку или стакан воды. Болезненного вида землистая плоть висела на лице дряблыми складками, вялый подбородок заметно подрагивал. Глаза темнели в заплывших жиром глазницах, волосы, жидкие и сальные, прилипли к голове неровными прядями. Жара явно не доставляла ему удовольствия.

На вид ему было лет пятьдесят с небольшим. На роль доброго волшебника, щедрого благотворителя незнакомец не тянул. Приближение к столу и посадка временно лишили бедолагу возможности изъясняться. Увидев его в таком состоянии, ни один уважающий себя врач не посоветовал бы ему выйти и купить долгоиграющую пластинку.

– Прочитал ваше объявление, – сообщил он после долгой паузы. – Уэзерби. – Он протянул руку – пальцы оказались на удивление сильными. Другой рукой Уэзерби подозвал официанта и заказал кофе и коньяк.

Голос у него был приятный: ясный и четкий, голос образованного англичанина старой школы.

– Хотите получать пятьсот долларов за утреннюю работу? Наличными. Никаких вопросов.

– Что придется делать? – Если откровенно, мне было все равно, что делать. Заставить меня отказаться от таких денег могло бы только что-то чрезвычайное.

А после того, что он сказал дальше, даже крайне чрезвычайное.

– В багажнике вашей машины. Там все. Включая деньги.

Официант принес кофе и коньяк, и мой новый знакомый отпил по глотку того и другого, а потом, судя по звукам, прополоскал смесью рот. Проглотил. Чмокнул губами. Огляделся.

– Приятная погода. – Прозвучало это так, словно было обращено к миру в целом и ни к кому в частности. – Весьма приятная. Париж хорош в это время года.

Удивительно, как он это заметил.

– Да, – продолжал Уэзерби. – Париж очень хорош в это время года. – Он повторил ритуал с кофе и коньяком. Я наблюдал за ним с любопытством, пытаюсь определить, кто он такой и что он такое, а вот что ответить, так и не придумал. Я чувствовал себя беспомощным школьником в кабинете директора. – Нравится Париж?

– Да. – Мне показалось, он собирается сказать что-то чрезвычайно важное, явить некое грандиозное откровение, изречь нечто такое, от чего я задохнусь в полнейшем восторге и что расставит все по своим местам. Я ждал.

– Хорошо. Рад слышать. Париж – симпатичное место. Веселое. Что ж, надо идти. – Он допил свою смесь и поднялся. Удостоил меня еще одним крепким рукопожатием. – Хорошая машина. Открытая крыша. Хорошая погода для открытой крыши.

Я попытался прочесть что-то в его лице, глазах. Ничего. То, что, возможно, было там еще несколько секунд назад, ушло – книгу захлопнули и плотно обернули невзрачной упаковочной бумагой. Он растворился среди красивых девушек, блуждающих туристов, щеголеватых молодых людей, прихрамывающих ветеранов войны, элегантных женщин средних лет, шума «ситроенов» и зычных гудков.

Ушел. И даже мелочи – заплатить за кофе с коньяком – не оставил. Ловкач.

Я расплатился и влился в поток движения, текущий в общем направлении на Версаль, чтобы найти там тихое местечко и заглянуть в носок от Санты.

Примерно через четверть мили меня остановил полицейский на мотоцикле – редкий случай в городе, где скорость, как и в целом пренебрежение правилами дорожного движения, – закон моторизованных джунглей.

Элегантные белые ремни сочетались у него с дурным запахом изо рта, сила которого могла бы остановить скунса на расстоянии в пятьдесят футов.

Меня едва не парализовало от страха. Я понятия не имел, что положил в багажник маньяк Уэзерби, но меня не оставляло подозрение, что там может оказаться нечто, способное серьезно заинтересовать месье Щеголя.

- Licence. Carte verte. Passeport.

- Je n'ai pas le passeport avec moi.

- Vous restez ? Paris?

- Oui, monsieur.

- O??

- Seize. Rue de la Reine, Passy.

- Depuis combien des jours?

- Cinq jours, monsieur[2 - - Водительские права. Зеленую карту.

Паспорт.- Паспорта у меня при себе нет.- Вы остановились в Париже?- Да, месье.- Где?- В Пасси. Рю де ла Рен, 16.- Как давно вы там?- Пять дней, месье (фр.).], - соврал я. Мне совсем не хотелось, чтобы они знали, что я живу здесь. Разоблачение обернулось бы обязательной волокитой с получением и установкой на машину французских номеров.

Он поправил ремень, на котором висел револьвер в кобуре и дубинка, тоже в кобуре.

- Licence et carte[3 - Права и страховой полис (фр.).].

Порывшись в бумажнике и бардачке, я предъявил ему мои английские права, международные права и квитанцию об оплате международной страховки. Он просмотрел их, потом обошел машину, внимательно ее рассматривая. Тот факт, что я сидел бледный как полотно и дрожал как осиновый лист, его, похоже, не интересовал. Может, просто привык и считал, что так и должно быть.

Полицейский вернул мне документы:

– C'est une belle voiture. Ça va. Merci, monsieur. Allez[4 - Красивая машина. Все в порядке. Благодарю, месье. Езжайте (фр.)]. – Он махнул рукой и вернулся к мотоциклу.

Я покатил дальше, осторожно добавляя газу. Порылся в карманах. Нашел сигареты. Меня трясло. Я кое-как прикурил, налетевший ветерок сорвал и унес клочок воспламенившейся бумаги и струйку дыма. Обычная проверка? Ищут украденную машину? Совпадение? Однако же... Полицейский явно был не из тех, кто что-то упустит, и тем не менее он не сказал ни слова насчет моих бумаг. Я затаился. Срок действия моей страховки и международных прав истек пять недель назад. Нужно выяснить, что там в багажнике. И поскорее.

Я прибавил газу и понесся вперед, по-змеиному проскальзывая в потоке машин, подгоняемый ощущением, что за мной следят. Проскочил, в последний миг разминувшись с грузовиком, на красный свет. Оглянулся. Моему безумному примеру никто не последовал. Немного отпустило.

Через полчаса мой «ягуар» громыхал по узкой извилистой дороге под протестующий визг покрышек на теплой щебенке. Я пролетел через пару сонных деревенок с ресторанами, удостоившимися похвалы «Мишлена», свернул в лес, отъехал на приличное расстояние от дороги, остановился и выключил двигатель.

Нервы немного успокоились. Тенистый лес дышал теплом, воздух растекался приятным ароматом. Я прислушался. Тихо. Прошел к багажнику и поднял крышку. Интересно, что там? Порубленный на куски труп? Русский карлик-агент? Ничего подобного. Всего лишь упаковочный пакет – восемнадцать дюймов в длину, один фут в ширину и несколько дюймов в высоту. Никаких ярлыков, никаких надписей. Тяжелый.

Я вскрыл пакет с одного конца, наклонил и вытряхнул содержимое: серебристый сверток с наклейкой, надпись на которой гласила: «Элен – с днем рождения. С искренней любовью». Без подписи. Далее последовал револьвер 38-го калибра, «уэбли», заряженный, на предохранителе. И, наконец, конверт. В конверте оказались пятьсот фунтов подержанными десятифунтовыми банкнотами и записка следующего содержания: «Доставьте подарок мадемуазель Элен де Вуврэ – Париж-2, рю Нотр-Дам-де-Бон-Нувель, д. 91, кв. 5. Время доставки – пятница, 29 мая, 11:00. Пугач и мелочь оставьте себе».

Сначала я подумал, что женщина – любовница Уэзерби, который побаивается ее мужа. Но пятьсот фунтов за столь несложное поручение... Не слишком ли много?

Со стороны дороги донесся звук мотора. Я убрал конверт в карман и захлопнул дверцу. Но это был всего лишь трактор, тащивший на буксире старый трейлер. За рулем сидел высохший старик фермер в синем берете и с обязательным желтым «Галуазом» в зубах. Он объехал меня, примяв несколько кустов, кивнул любезно, но интереса не выказал и покатил дальше своей дорогой.

Я вскрыл серебристый сверток. В нем оказался мягкий белый порошок. Не требовалось быть химиком, чтобы понять – это не пудра от Ив Сен-Лорана.

Сверток весил около пяти фунтов. Даже если продать порошок оптом и наспех, он стоил бы около двухсот тысяч фунтов, и намного больше – если продавать порциями по одному грамму на улице. Я мало что знал о французской мафии, но и этого было достаточно, чтобы отбить соблазнительное желание смыться вместе с добычей.

Чутье с самого начала подсказывало: сделка воняет похуже, чем мусорный бак на рыбном рынке в летнюю жару. Чутье подсказывало мне теперь найти Уэзерби и вернуть пакет. А если не найду, пойти в британское консульство и все там рассказать. Иногда, когда мне холодно и одиноко, я жалею, что не слушаю этот внутренний голос. К счастью, не всегда.

На рю Нотр-Дам-де-Бон-Нувель к дому номер 91 я прибыл пораньше, решив, что если меня поджидает там что-то неприятное, то я попытаюсь застать их врасплох. Приехав на такси, я потерял несколько драгоценных минут, споря с водителем, который не соглашался подождать, потому что здесь не было для

этого соответствующей зоны ожидания. Я же со своей стороны пытался вбить в его тупую галльскую башку, что если он не подождет меня, то может и не получить ожидаемой платы.

Усилия не пропали даром, что-то до него дошло. Я вышел, оставив открытой дверцу, а он не стал выключать мотор. И то, и другое добавило смелости – не знаю почему, меня не оставляло чувство, что и первое, и второе может пригодиться.

Стоял третий день жары. Облитый солнечными лучами, я остановился у двери и прошелся глазами по табличкам с номерами квартир и фамилиями жильцов. Мне было сильно не по себе, и даже лежавший в кармане пиджака заряженный и снятый с предохранителя револьвер уверенности не добавлял.

Высокое старое здание. Четыре этажа. Без лифта. Я не стал звонить – вошел и направился к каменной лестнице. Дом был немного странный, тихий, запущенный. С улицы он выглядел довольно чистым и аккуратным, изнутри – неухоженным. Необычно для Франции, где, как правило, бывает наоборот. Квартира номер 5 находилась в конце площадки третьего этажа. Я нажал кнопку звонка и, сам не знаю почему, отступил в сторону.

И, как оказалось, поступил очень даже мудро: в следующую секунду дверь разлетелась в щепки от урагана автоматных пуль, за которыми, паля во все стороны, – но, к счастью, не в меня, – последовала и милейшая мадам де Вуврэ. Я дважды выстрелил из «уэбли». Мадам де Вуврэ, если это действительно была она, предстала в образе высоченного малого со злобной физиономией, прилизанными черными волосами и смуглой маслянистой кожей. Вид у него был такой, словно он уже пожалел, что не остался в постели. Кровь хлынула сразу из двух дырок, во лбу и в верхней части груди. Автомат «стен» выпал у него из рук и покатился по ступенькам, изрыгая пули уже сам по себе.

Второй головорез возник в дверном проеме, размахивая какой-то огнестрельной штуковиной. Я выстрелил в него, и он завалился на спину. Внезапно мою левую руку словно огрели раскаленным молотом, она взлетела и ударилась о стену, а рядом с моим правым ухом просвистела и врезалась в камень пуля. Меня осыпало кирпичной крошкой. Я повернулся и увидел еще одного, третьего, – чахлого малыша с козлиной бородкой, уже вознамерившегося повторить попытку. Мне не оставалось ничего иного, как воспользоваться единственным оставшимся вариантом. Я прыгнул на него, из последних сил давя на спусковой

крючок «уэбли». Три хлопка... щелчок... и я, исполнив кувырок через голову, приземлился на свежий труп.

Несколько секунд я просто лежал, ожидая следующей пули. Барабан моего «уэбли» был пуст. Я пошарил вокруг правой рукой. В меня никто больше не стрелял, а через секунду пальцы сомкнулись на рукоятке пистолета бородатого малыша.

Тишину ничто не нарушало, но я все же подождал еще пару минут, прежде чем подняться. Левая рука разрывалась от боли, но не выпускала серебристый сверток. Я встал, пошатываясь, и тут в здание ворвался целый взвод парней в синем – французский ответ инспектору Нэкеру. В первую секунду меня охватил неопишуемый восторг – никогда в жизни я не был так рад встрече с полицейскими. Но уже в следующий момент осознал, что стою рядом с тремя трупами, держа в одной руке дымящийся пистолет, а в другой – пять фунтов героина. Стою и довольно ухмыляюсь.

Глава 8

В течение всей следующей недели французская полиция оказала мне одну-единственную любезность: позволила выбрать, на какой, нижней или верхней, койке спать. Я выбрал верхнюю и, как оказалось, не ошибся – каждый вечер в камеру приводили какого-нибудь пьянчужку, который валился на нижнюю койку и всю ночь храпел, бубнил и метался. Утром его уводили, так что я даже не успевал разглядеть лица своего сокамерника. Вполне возможно, это был один и тот же бедолага.

Неделя выдалась хуже не придумаешь, и к концу ее я и сам дошел до предела. Чертовски болела рука. Пулю вытащили, но провести хотя бы ночь на больничной койке не разрешили, посчитав, наверное, что это было бы недопустимой роскошью. Рану зашили, повязку наложили и отправили меня напрямиком в камеру.

В камере было жарко, душно и сумрачно. Время от времени в крохотное зарешеченное окошко под потолком заглядывали редкие солнечные лучи, но и они только усиливали ощущение густеющего внизу мрака. Позвонить мне не

позволили и, более того, ясно дали понять, что и в будущем к телефону не допустят. Я не мог связаться ни с консульством, ни с адвокатом – ни с кем.

Месье не получит никакой помощи, пока не назовет имена всех членов наркосиндиката.

Объявление в «Таймс», визит Уэзерби – все это их совершенно не интересовало. Снова и снова от меня требовали правды.

Каждый день на протяжении целой недели меня вытаскивали из камеры и вели в другую комнату, тоже без окон, но с яркими лампами – на допрос. Через какое-то время я уже начал кричать на них, этих злобных недоумков, от которых постоянно несло вчерашним чесноком. Ничего другого не оставалось. Я ничего не знал, а сочинять небылицы считал нецелесообразным – ложь в конечном счете сыграла бы против меня.

Каждую ночь на протяжении этой долгой-долгой недели я проклинал себя за глупость, за то, что поддался на уловку, паршивые пятьсот фунтов, которых, скорее всего, и не увижу больше. А еще я точно знал, что сделаю, если когда-нибудь выберусь из тюрьмы. Найду Уэзерби и выбью из него все дерьмо.

Искать не пришлось – он сам меня нашел.

В тот день надзиратель, как обычно, повел меня на допрос в хорошо знакомую комнату. Я сел на деревянную табуретку и приготовился ждать следователей. Вместо них вошел Уэзерби.

На этот раз он не стал протягивать мне руку, но с заметным усилием опустился на соседний стул. На нем был тот же макинтош, тот же костюм и тот же зеленый галстук. Только рубашку мой клиент сменил на более легкую. А вот бисеринки пота были на месте, и промокнул он их вроде бы тем же несвежим платком. Отдышавшись, Уэзерби похлопал себя по колену. Вид у него был бодрый.

– Ну, старина, вляпались вы в неприятности.

– Неужели?

- Да уж вляпались. Ох, господи...

Он никак не походил на человека, находящегося под арестом.

- А что вы тут делаете? - поинтересовался я.

- Я? Да вот прослышал, что у вас не все ладно, и заглянул посмотреть, как вы тут.

- Вы кто, черт возьми, такой?

- Жарко здесь. С кондиционерами у них плохо, у французов. Понять не могу - лето каждый год жаркое, а кондиционеров как не было, так и нет. Хотя в Англии их тоже не много. Да. А вот у американцев они есть. Там у них везде кондиционеры.

Уэзерби определенно производил впечатление человека, чрезвычайно собой довольного. И само его появление в комнате для допросов представило всю ситуацию в каком-то странном свете. Чрезвычайно странном. Он определенно что-то знал, и мне очень бы хотелось выяснить, что именно.

- Скажете, кто вы, черт побери, такой?

- За наркотики во Франции дают большой срок. Очень большой. Тяжелые работы. Мерзкие тюрьмы. Досрочного освобождения не бывает. За героин - минимум пять лет. Да, как минимум пять. Но столько обычно не дают. Четырнадцать, пятнадцать, может быть, меньше. Двенадцать. Нехорошо это, героин. - Он снова похлопал себя по колену. - Убийство - очень плохо. Очень. Гильотина у них до сих пор работает. Правда, редко. Дают обычно пожизненный. Пожизненный во Франции - это долго. Двадцать лет. Может, тридцать. Плохо.

Он замолчал. Надолго. Странно, но я немного успокоился. Мне уже не было так страшно, как во все предыдущие дни проклятой недели. Присутствие этого чудака действовало успокаивающе.

Но потом все началось снова. Поднялось, выворачивая наизнанку желудок. Я влип по-настоящему. И это настоящая тюрьма, а я - настоящий преступник.

Школа кончилась, меня уже не поставят в угол и не высекут розгами за плохое поведение. Я не в Сандхерсте, где мне устроили головомойку за снос макета танка перед инспекционным визитом фельдмаршала. Я – наркокурьер и убийца. Суд определит мое будущее, и меня отправят за решетку едва ли не до старости. Внутри у меня все дрожало от страха, и чувства к Уэзерби накатывали волнами любви и ненависти. Ненависти за то, что это из-за него я оказался здесь, а любви – потому что он представлял собой надежду. Должен был представлять.

– Помогите мне.

Уэзерби сунул руки в карманы плаща. Втянул щеки. Чмокнул.

– Плохое место для молодого человека. Никуда не годное.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

От англ. *sumpy* – «грязное», «жирное». (Здесь и далее примеч. пер.)

2

- Водительские права. Зеленую карту. Паспорт.

- Паспорта у меня при себе нет.

- Вы остановились в Париже?

- Да, месье.

- Где?

- В Пасси. Рю де ла Рен, 16.

- Как давно вы там?

- Пять дней, месье (фр.).

3

Права и страховой полис (фр.).

4

Красивая машина. Все в порядке. Благодарю, месье. Езжайте (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/piter-dzheymshpionskiy-taynik>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)